

1186 н/79

коз. п

Проф. Евгений Бобровъ.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

~~~~~ (БОВРОВЪ)

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВЫПУСКЪ I.

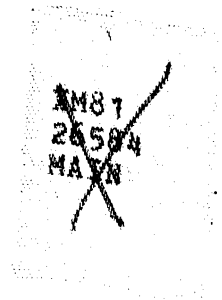
КАЗАНЬ

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1899.

67600121

64658454

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Импе-
раторскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

B4201
B6
1899
v. 1-3
MAIN

Отъ автора.

Предлагаемый томъ содержитъ рядъ этюдовъ детальной разработки первоисточниковъ по исторіи философіи въ Россіи. Не по силамъ одного человѣка, да и рановременно еще ожидать цѣльной и связной исторіи философіи въ Россіи и всѣхъ ея эпизодовъ, разработанныхъ столь же детально, когда соприкасающіяся и сосѣднія съ нею области, както исторія русской литературы XIX в., исторія просвѣщенія, журналистики, исторія русскаго общества за тотъ же періодъ либо еще совсѣмъ не затронуты, либо находятся еще почти въ зародышѣ.

Большинство отдѣльныхъ этюдовъ, находящихся въ моей книгѣ, связано нѣкоторою общою мыслию и касается различныхъ сторонъ одного и того же явленія: шеллинговой философіи на русской почвѣ. Таковы этюды о московскихъ шеллинговцахъ М. Г. Павловъ и Д. В. Веневитиновъ, о петербургскомъ послѣдователѣ той же школы Д. М. Велланскомъ; къ этому присоединяется І. Шадъ, дѣйствовавшій въ Харьковѣ, и обыкновенно, причисляемый къ тому же направленію.

Біографіями и трудами поименованныхъ лицъ я занимаюсь въ широкихъ размѣрахъ, и настоящіе этюды суть лишь первые опыты разработки относящихся сюда матеріаловъ, весьма обширныхъ.

Въ виду полного почти отсутствія какихъ-либо подготовительныхъ работъ по исторіи философіи на Руси (въ смыслѣ

IV

детальнаго изученія первоисточниковъ) приходится заниматься и побочными отраслями исторической науки, както библіографіею. Вотъ почему въ книгу вошли этюды о философскихъ книгахъ въ провинціи и о сочиненіяхъ Козлова, носящіе, по преимуществу, библіографическій характеръ. Трудъ мой не оканчивается на этомъ второмъ выпускѣ. Уже печатается третій томъ, за которымъ послѣдуютъ еще другіе, если автору силы его и здоровье позволятъ систематизировать и подготовить къ печати собранные имъ весьма многочисленные матеріалы изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать благодарность тѣмъ лицамъ, которыя любезно и охотно помогали мнѣ въ въ разысканіи нужныхъ книгъ, а именно, библіотекарямъ: *В. П. Ламбину* въ Петербургѣ, *Э. А.* и *Г. А. Шумцамъ* въ Юрьевѣ, *Н. Л. Трубникову* и *Г. С. Володину* въ Казани.

23. II. 98.

Казань.

Проф. Евгеній Бобровъ.

Поправки и дополненія.

Стр. 2 (перваго выпуска) надобно: „Московскихъ Вѣдомостяхъ“..... „Вѣстникъ Промышленности“ (строки 4 и 3 снизу).

Стр. 5 (сего выпуска) надобно: сочиненіи (прим. I).

Стр. 22 надобно: Проф. Каритара рѣчь: De пехи etc.

Къ стр. 23 и 43. Рѣчь *Рейта* Geist и т. д. перепечатана у Шада, Deutsche Chestomathie, Харьковъ, 1813, стр. 285—297. Туда же, стр. 240—284—вошла проповѣдь самого Шада (по его списку на стр. 43—№ 6) Beruhigungsgründe etc.

Стр. 24. Надобно: Учителя Любовскаго Логина etc.

Стр. 27. Надо: 1839 г. (а не 1838 г.).

Къ 1809 г. (стр. 45—46) надо прибавить: Латинскій переводъ Высочайше утвержденнаго 5-го ноября 1804 г. Устава Университета, сдѣланный проф. Стойковичемъ и *Шадомъ* (Фойгтъ, стр. 141).

Колупановъ (Біографія Кошелева, I, 2, стр. 298) неправильно цитируетъ по Фойгту, рѣчь Шада: О томъ, что въ нынѣшнее время основательное изученіе философіи *всѣмъ нужно*; у Фойгта, стр. 143 и выше (у меня), стр. 23—*всѣмъ а нужно*.

Къ стр. 55—60. О *Гриневичъ* есть свѣдѣнія еще въ Біограф. словарь проф. и преп. Императорскаго Унив. св.

VI

Влад. (*В. С. Иконникова*), стр. 139—141 и у *Барсукова*, Жизнь Погодина, V т., стр. 49—50, 500 и VI т., стр. 252.

Стр. 74—нужно *Le Furet*.

Стр. 79, 83, 85 и 87 надо въ заглавіи труда В-аго: „магнитизмъ“. „Животный магнитизмъ заключаетъ: титулъ + посв. + VIII (предисловіе) + 404 + 6 ненум. (5^{1/2}, оглавление содержаній + ¹/₂, стр. опечатки). Цензурное разрѣшеніе *Ив. Тимковскаго* отъ 30 марта 1818 года.—Безсмертной, блаженной памяти Доктора Антона Месмера, открывшаго животный магнитизмъ, и удержавшаго оный съ непоколебимою твердостью противъ нападокъ и гоненій! *Посвящается отъ издателя.*

Стр. 86, прим. I. надобно: *F. Weisse*.

Стр. 110: надобно: редакція „Молвы“.

Къ стр. 110: Въ пансіонѣ Павлова воспитывался также Дм. Александр. *Валуевъ*, видный членъ младшаго (второго) кружка славянофиловъ (см. *Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, VII, стр. 422).

Къ стр. 239—240. „Атеней“—„Благонамѣренный Московскій“—стихъ *Языкова*.

Къ стр. 247 и 255. Некрологъ *Я. А. Дружинина* (1771—1849), почитателя Велланскаго, помѣщенъ въ „Отчетахъ Имп. Акад. Наукъ по отд. р. л. и сл.“ (Платнева), СПБ., 1852 г., стр. 246—248 (Отчетъ за 1849 г., V.

Предисловіе.

Занимаясь параллельно философіею и исторіею русской словесности XVIII и XIX столѣтій, я естественно натолкнулся на вопросъ о судьбахъ философіи, какъ науки, и какъ предмета преподаванія, въ Россіи. Не удовлетворяясь имѣющимися очерками, я обратился къ изученію источниковъ, и самъ сталъ собирать матеріалы для такой исторіи—по очень широкой программѣ, какъ изъ напечатанныхъ источниковъ такъ и по архивнымъ даннымъ; современемъ я убѣдился, что обработать всю исторію философіи на Руси не въ видѣ какого-либо поверхностнаго *raisonnement*, а документально и научно—дѣло весьма нелегкое, исполнителю котораго приходится, помимо трудностей, лежащихъ въ сущности предпріятія, бороться еще съ побочными и случайными препятствіями, какъ-то: крайнимъ несовершенствомъ русской библіографіи, рѣдкостью старыхъ русскихъ философскихъ книгъ, разбросанностью нужныхъ датъ по всевозможнымъ архивамъ (рукописныхъ) и (печатныхъ) по разнообразнѣйшимъ русскимъ и иноязычнымъ сочиненіямъ: богословскимъ, общеисторическимъ, естественнонаучнымъ, историко-литературнымъ, юридическимъ и даже по медицинскимъ изданіямъ. Это дѣло требуетъ не одного, а многихъ работниковъ,—работниковъ энергическихъ и трудолюбивыхъ, и притомъ требуетъ не одного года, а многихъ лѣтъ. Окончательной разработкѣ всей исторіи философіи въ Россіи должна предшествовать моногра-

II

фическая разработка отдѣльныхъ вопросовъ. Не желая, чтобы собранный мною довольно обширный матеріалъ оставался втунѣ, я и рѣшился обрабатывать его именно въ видѣ монографій.

Сначала все настоящее изданіе предполагалось въ одномъ томѣ. Но такъ какъ онъ вышелъ бы весьма большого объема, то во многихъ отношеніяхъ оказалось удобнѣе разбить его на отдѣльные выпуски. Библіографія сочиненій Козлова, обѣщанная на стр. 24 перваго выпуска, появится во второмъ выпускѣ.

Казань,
23 сентября 1898 г.

Проф. Евгеній Бобровъ.

I.

Жизнь и труды А. А. Козлова.

Wer hat gestrebt wie ich? Wo ist der Pfad
Der Kunst, der Wissenschaft den ich nicht schritt?
Weit ferner, kühner (ohne Rühmen darf
Ich's sagen) drang ich darauf fort als alle
Die Herren, die beim ersten Meilenstein
Umkehrten, voll von ihrer Reise Wundern
Und als gelehrte, selbstzufriedne Thoren
Von grössern Thoren angestaunt sich brüsten.
Ich aber wanderte und wanderte...

(*Grabbe*, Don Juan und Faust, акт I, сцена II,
монологъ Фауста).

Алексѣй Александровичъ Козловъ родился 9 января 1831 года въ Москвѣ и выросъ среди очень скудной обстановки. Воспитаніе его было чрезвычайно и чрезмѣрно суровое. Съ ранняго дѣтства онъ отличался большой любознательностью и до страсти любилъ чтеніе. Благодаря отличной памяти, онъ легко запоминалъ прочитанное, а то, что ему особенно нравилось (какъ напр., описанія битвъ и побѣдъ русскаго оружія), воспроизводилъ въ лицахъ съ увлекательностью и съ жаромъ. Съ 1843 г. Козловъ сталъ учиться въ I-ой Московской гимназіи и сразу занялъ среди своихъ товарищей выдающееся мѣсто. По окончаніи курса въ гимназіи онъ съ 1850—56

учился на словесномъ факультетѣ Московскаго Университета. Особеннаго интереса къ философіи онъ тогда не обнаруживалъ, что немудрено; съ 1850 г. именно и были упразднены философскія кафедры во всѣхъ русскихъ университетахъ (кромя Дерптскаго), а преподаваніе логики и эмпирической психологіи было поручено законоучителямъ. Такимъ образомъ въ это время въ Московскомъ университетѣ не было специалиста—преподавателя философіи; этому предмету обучалъ протоіерей *Терновскій*. Козловъ читалъ по своей охотѣ всякія философскія книги, напр., „Критику чистаго разума“ Канта во французскомъ переводѣ *Тиссо*; но это чтеніе не дало большихъ результатовъ. Приобрѣтши степень кандидата, Козловъ поступилъ въ Москвѣ же преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Константиновскій межевой институтъ и въ этой должности пробылъ 4 года. Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности. Но онъ писалъ тогда не по философіи, а по политической экономіи (которая преподавалась на историко-филологическомъ факультетѣ, какъ это имѣло мѣсто въ Юрьевскомъ университетѣ до нашихъ дней: пишущій эти строки самъ прослушалъ въ теченіи 2¹/₂ лѣтъ полный курсъ политико-экономическихъ наукъ у проф. *Дійцеля*). Козловъ готовился даже стать ученымъ специалистомъ именно по этой наукѣ. Тогда же онъ вмѣстѣ со своимъ закадычнымъ другомъ Вас. Иван. *Покровскимъ* (нынѣ извѣстнымъ статистикомъ) перевелъ на русскій языкъ первый томъ соч. *Roscher*, *Grundlagen der Volkswirtschaft*; этотъ переводъ былъ напечатанъ въ 1860 г. Статьи Козлова (напр., „о кредитѣ въ банкахъ“, „о хозяйственномъ управленіи города Москвы“, „о финансовомъ положеніи Россіи“ печатались въ различныхъ журналахъ: „Московскихъ Извѣстіяхъ“, „Московскомъ Вѣстникѣ“, „Днѣ“, „Финансовомъ Вѣстникѣ“ и т. д. Въ этотъ же періодъ своей жизни онъ ознакомился съ сочиненіями Шарля Фурье, и это чтеніе произвело глубокое впе-

чатлѣніе на молодого человѣка. Что касается его философскихъ убѣжденій за это время, то слѣдуя общему теченію русской мысли, А. А. Козловъ былъ тогда позитивистомъ съ матеріалистической окраскою. Особеннымъ авторитетомъ пользовался тогда въ его глазахъ Л. Фейербахъ. Съ начала 60-хъ годовъ въ Россіи журналисты съ *Чернышевскимъ* и *Писаревымъ* во главѣ усердно пропагандировали среди русской интеллигенціи антропологизмъ Фейербаха и матеріализмъ Бюхнера. Къ этимъ вліяніямъ присоединялись черезъ журналистику же вліяніе англійскаго позитивизма и эволюціонизма. Чрезвычайно мѣткую характеристику умственныхъ вѣяній въ Россіи 60-хъ годовъ даетъ самъ нашъ авторъ въ книгѣ „Религія графа Л. Н. Толстого, его ученіе о жизни и любви“, II изд. стр. 71. „Матеріализмъ вошелъ къ намъ вмѣстѣ съ Бюхнеромъ, Фохтомъ, Мошоттомъ и т. п., а главное съ распространеніемъ естественныхъ наукъ, относительно которыхъ, благодаря жалкому состоянію у насъ философскаго мышленія, еще и теперь господствуетъ предразсудокъ, будто ихъ выводы представляютъ безусловную истину, между тѣмъ, какъ они условны.... Антропологизмъ, то явно и сознательно, то тихомолкомъ и безсознательно дѣлающій человѣка средоточіемъ всего существующаго, вошелъ къ намъ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формахъ. Изъ Англіи онъ пришелъ къ намъ въ видѣ тамошняго сенсуализма и ассоціанизма и въ доктринѣ относительности всякаго знанія (Льюисъ, Милль, Бэнъ, Спенсеръ и пр.); изъ Франціи по преимуществу въ видѣ различныхъ философско-соціальныхъ и политическихъ ученій (сентъ-симонизма, фурьеризма Пьера Леру, Луи Блана, Огюста Конта и т. п.); изъ Германіи въ видѣ философіи Фейербаха, поставившаго человѣка *in abstracto* на мѣсто, прежде занимаемое Богомъ, или природою. Соціализмъ пришелъ къ намъ со всѣхъ сторонъ: изъ Франціи въ видѣ вышеупомянутыхъ и другихъ не названныхъ нами доктринъ, изъ Англіи въ видѣ ученія Р. Оуена,

изъ Германіи въ видѣ ученій Маркса, Лассалля и т. п. Кромѣ общей подкладки антропологизма, по которой всяческое развитіе и прогрессъ не могутъ имѣть никакой другой цѣли, кромѣ счастья человѣка вообще, социалистическія теоріи проповѣдывали исключительную заботу, преимущественно, о счастьи низшихъ классовъ народа, для осуществленія котораго не слѣдуетъ останавливаться передъ какими бы то ни было жертвами (передъ погибелью цивилизаціи, культуры, просвѣщенія и т. п.). Во Франціи изъ социализма возникло даже нѣчто въ родѣ культа пролетаріямъ и черни, въ подражаніе которому и у насъ появилось идолопоклонство передъ *мужикомъ*; на него надѣялись, какъ на новаго мессію, который, выступивши на историческую сцену, принесетъ откровеніе, имѣющее разрѣшить въ общему удовольствію и счастью всѣ нравственныя, правовыя, общественныя и экономическія затрудненія, съ которыми не можетъ до сихъ поръ справиться ни религія, ни наука, ни общество. Эволюціонизмъ пришелъ къ намъ съ системою Спенсера и потомъ съ дарвинизмомъ, и наконецъ позитивизмъ, отрицающій метафизику и возможность познанія сущности и причины міра, міровыхъ законовъ, цѣли и т. п. возникъ изъ нѣсколькихъ источниковъ. Изъ Англіи онъ явился въ общемъ духѣ англійскаго эмпиризма, сенсуализма и скептицизма; изъ Франціи онъ перенесенъ къ намъ въ видѣ позитивизма Конта, поскольку онъ выраженъ только въ его „Курсѣ положительной философіи“. Изъ Германіи онъ пришелъ въ видѣ отголосковъ отъ „Критики чистаго разума“ Канта. Таковы были царившія тогда на Руси доктрины, почти не встрѣтившія серьезнаго отпора. Сомнѣваться въ истинности ихъ считалось глупымъ, даже безчестнымъ и навлекало подозрѣніе въ шпіонствѣ.....

: Оставивши казанное учительство, А. А. Козловъ былъ воспитателемъ и учителемъ въ различныхъ богатыхъ домахъ, а потомъ обратился къ практической дѣятельности, а именно,

переселился окончательно въ деревню и занялся сельским и лѣснымъ хозяйствомъ. И только теперь онъ начинаетъ постепенно переходить къ тому дѣлу, которое долженствовало поглотить всю его остальную жизнь, т. е. къ философіи.

Долгіе зимніе вечера въ деревнѣ А. А. Козловъ проводилъ за разнообразнымъ чтеніемъ. Между прочимъ случайно попала ему въ руки книга *Фрауеништедта* „*Briefe über die Schopenhauersche Philosophie*“. Чтеніе этой увлекшей его книги стало для Козлова началомъ его специально философскихъ штудій. Онъ съ восторгомъ изучаетъ Шопенгауера и становится „пессимистомъ“. Долгое время онъ носился съ мыслію перевести на русскій языкъ главное сочиненіе Шопенгауера „*Mir, какъ воля и представленіе*“, но это по цензурнымъ условіямъ было невозможно. Тогда онъ удовольствовался обработкою сочиненія *Гартмана* „*Философія безсознательнаго*“, которое онъ частью перевелъ, частью изложилъ. Эта переработка Гартмана появилась въ Москвѣ въ 2-хъ томахъ въ 1873—75 гг. подъ заглавіемъ „*Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго*“. Она нашла себѣ въ публикѣ огромное распространеніе и сразу сдѣлала имя А. А. Козлова извѣстнымъ. Покойный Дьяковъ въ одной изъ своихъ повѣстей изображаетъ нигилистку въ часы досуга штудирующею, лежа на диванѣ, именно Гартмана въ обработкѣ Козлова, и выписывающею на бумажку оттуда всѣ мудренныя слова съ цѣлью потомъ хвастнуть ими. Книга эта дѣйствительно сразу стала модною.

Освободившись, благодаря изученію Шопенгауера, отъ позитивизма, и видя въ философіи науку возможную и самостоятельную, Козловъ обратился къ ея изученію съ тою же беззаветною страстью, какою и раньше онъ всегда отличался во всѣхъ своихъ занятіяхъ. Плодами его мышленія явились, кромѣ двухъ журнальных статей (въ „*Знаніи*“): „*Критика „Историческихъ Писемъ“ Миртова (П. Л. Лаврова) и „Владимиръ*

Соловьевъ, какъ философъ“, (по поводу его книги „Кризисъ западной философіи“), гдѣ онъ уличаетъ Соловьева въ смѣшеніи понятій религіи, богословія и философіи,—оригинальное сочиненіе „Философскіе Этюды“, т. I, Кіевъ 1876, въ которомъ Козловъ является рѣшительнымъ защитникомъ правъ философіи. Исходя изъ факта сомнѣнія въ томъ, что философія обладаетъ опредѣленными задачами и методою и приноситъ какую бы то ни было пользу, Козловъ задается цѣлью изслѣдовать предметъ философіи, ея методу, направленія, ея значеніе въ человѣческой жизни и наконецъ ея отношенія къ прочимъ наукамъ. Эти вопросы должны были быть рѣшены индуктивно на основаніи обобщенія тѣхъ данныхъ, какія представляетъ исторія философіи. Въ первомъ отдѣлѣ этого тома Козловъ на основаніи содержанія философскихъ ученій и опредѣленій философіи, данныхъ ея представителями, приходитъ къ заключенію, что предметъ философіи есть понятіе міра, какъ цѣлаго, какъ системы вещей. Второй отдѣлъ трактуетъ о философской методѣ и различныхъ направленіяхъ въ философіи, начиная съ Фалеса и до Сократа. Въ предисловіи Козловъ высказываетъ руководящія идеи своего труда въ такихъ положеніяхъ: 1) Философія съ самаго начала и всегда имѣла свой особенный предметъ, который не можетъ и не долженъ быть смѣшиваемъ съ предметами другихъ наукъ. Хотя нѣкоторые философы и не признавали этого ясно и иногда впадали въ подобное смѣшеніе задачъ, но и у нихъ всетаки можно выдѣлить доктрины собственно философскія отъ побочныхъ. А чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ все яснѣе и яснѣе становится сознаніе философовъ относительно предмета ихъ науки, въ будущемъ же врядли уже возможны колебанія мнѣній на этотъ счетъ. 2) Если философія за время своей исторіи обладала собственнымъ предметомъ, то, разумѣется, былъ у нея и соотвѣтственный методъ. Попадающіяся ошибки объясняются чрезмѣрной трудностью предмета.

Ибо, хотя философскій методъ и во многомъ отличается отъ методовъ прочихъ наукъ, но не настолько, чтобы не имѣть съ ними ничего общаго, и даже имѣть много важныхъ общихъ чертъ. Далѣе различіе содержанія системъ и порою даже ихъ существенныя противорѣчія зависятъ не отъ произвола въ примѣненіи метода, а отъ возможности различныхъ направленій и точекъ зрѣнія на предметъ философскаго познанія.

3) Философія имѣетъ большое практическое значеніе и всегда будетъ имѣть его, потому что она удовлетворяетъ той потребности человѣка, которая не можетъ быть и въ приближительной степени удовлетворена какою-либо другой наукою.

4) Философія есть наука, потому что она имѣетъ всѣ характеристичныя признаки науки вообще, а по своему предмету она—самая трудная и наивысшая наука. Она всегда шла наряду съ другими науками, зависла отъ ихъ успѣховъ и страдала отъ ихъ несовершенствъ. Эта связь между философіею и другими науками неизбежна и необходима; она приноситъ свои плоды для обѣихъ стороцъ.

Это сочиненіе Козлова обратило на себя вниманіе читающей публики силою діалектики и горячею убѣжденностью тона. О немъ заговорили уже какъ о специалистѣ, философскомъ авторѣ. Это и подало мысль нѣкоторымъ изъ его университетскихъ друзей попытаться пристроить Козлова при университетѣ; такъ его близкій другъ А. А. *Котляревскій*, проф. славяновѣдѣнія при Кіевскомъ университетѣ (а ранѣе того—предшественникъ Павла Александр. Висковатова по кафедрѣ русской словесности при дерптскомъ университетѣ) приглашалъ его извѣдать свое счастье въ Кіевѣ. Возможность академической карьеры весьма улыбалась Козлову; но различные обстоятельства препятствовали, повидимому, исполненію этого плана; притомъ ему было уже за 40 лѣтъ. Хотя онъ и не питалъ особенныхъ надеждъ, но онъ воспользовался про-